
В. В. КАЛУГИН

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Св. Варлаам Керетский и рыцарь Педивер из романа «Смерть Артура» Томаса Мэлори

РЕЗЮМЕ

Анонимное «Житие Варлаама Керетского», убившего жену и в великом горе скитавшегося по морям в ладье с ее трупом, вымаливая у Бога прощение, и Канон ему Сергия Шелонина (XVII в.) впервые рассмотрены в связи с русскими народными представлениями о нечистых покойниках и близким сюжетом в романе XV в. «Смерть Артура» английского писателя Томаса Мэлори (история рыцаря сэра Педивера).

Ключевые слова: Варлаам Керетский, Житие, Канон, Сергей Шелонин, Томас Мэлори, убийство из-за ревности, раскаяние, епитимия, страдания, святость.

Vasilii V. Kalugin (Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia). St. Varlaam of Keret and the Knight Pedivere from the Novel Le Morte d'Arthur by Thomas Malory

ABSTRACT

According to the anonymous *Life of Varlaam of Keret*, St. Varlaam killed his wife and wandered across the seas in a boat with her corpse, consumed by great grief, begging God for forgiveness. Sergii Shelonin wrote the Canon to St. Varlaam in the middle of the 17th century. The article analyzes these texts in connection with Russian folk ideas about the unclean dead. The author also demonstrates the similarities with the plot of the 15th-century novel *Le Morte d'Arthur* by the English writer Thomas Malory — the story of the knight Sir Pedivere.

Keywords: Varlaam of Keret, life, canon, Sergii Shelonin, Thomas Malory, murder due to jealousy, repentance, penance, suffering, holiness.

Л. А. Дмитриев справедливо отмечал, что «Житие Варлаама Керетского» замечательно «своей тесной связью с устным народным творчеством». ¹ В основе его лежит местное предание о священнике, убившем жену в припадке ревности, о его раскаянии и тяжелом, неслыханном испытании во искупление вины.

Согласно Житию, убийство произошло в Кольском остроге, где Варлаам служил священником в церкви Николы Чудотворца при Иване Грозном. ² Агиограф объясняет преступление Варлаама и причину его страданий происками дьявола, задумавшего погубить праведника, чтобы увидеть его падение и позор. После убийства Варлаам осознал всю глубину падения, «плакался

¹ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 249.

² Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 191.

велми и недостойна себе судив еже священная действовати, но паче изволил страдати за грех, — еже с мертвым телом по морской пучине с места на место плавати, дондеже оно мертвое тело тлению предастся. И бе видети праведнаго труды одинаго по морю в карбасе ездяща с мертвым телом от Колы около Святаго Носа даже и до Керети», что в Кандалакшском заливе Белого моря. Не ожидая попутного ветра, чтобы идти на парусах, он «весла из рук своих не выпускаше, но труждашеся велми и псалмы Давидовы пояше, то бо ему пища бяше. И во дни убо труждаяся по морю, в нощи же без сна пребываше, моля Бога со слезами о отпущении греха». После прощения от Бога Варлаам стал монахом «и в пустыню вселився и, Божию помощию бесовския полки победив, с миром ко Господу отиде в Чюпской губе» на Карельском берегу Белого моря, недалеко от села Керети.³

Самый ранний список «Жития Варлаама Керетского», известный ныне, находится в сборнике конца 50-х гг. XVII в., точнее, после 1658 г.⁴ О. С. Сапожникова установила, что его составителем и одним из переписчиков был соловецкий книжник Сергей Шелонин.⁵ По наблюдениям Л. А. Дмитриева, этот сборник содержит не авторский текст Жития, а только копию, которой предшествовало несколько этапов в рукописной истории произведения.⁶

В середине XVII в. существовали другие версии преступления и страдальческого подвига Варлаама Керетского. Они не дошли до нас, но их знал Сергей Шелонин и использовал в Каноне с тропарем Варлааму Керетскому. Тетрадь с Каноном была добавлена в конце псковского сборника вскоре после его составления в 50-х гг. XVII в. (не позднее 1658 г.).⁷ В результате кодико-логического исследования О. С. Сапожникова доказала связь варлаамовских текстов в этих двух рукописях Шелонина. Тетрадь в Q.XVII.187 (л. 189—196 об. с «Житием Варлаама Керетского» и др.) и последняя тетрадь в псковском сборнике (л. 413—420 об. с Каноном ему) были некогда единым целым, впоследствии разделенным.⁸

Замечательно, что Сергей Шелонин может вступать в противоречие с известным ныне Житием, дополняя его краткий рассказ исключительно важными сведениями. Согласно Сергию, дьявол — «лукавыи змии», желая погубить праведного Варлаама, стал действовать через его жену: «...подходить на твою супругу, звадя на смѣшение странно» (л. 414). Это место следует понимать в смысле 'подстрекнув (возбудив ее) на совокупление отвратительное'.⁹ В припадке ярости Варлаам убил жену. Трагедия произошла не в Кольском остроге, как утверждает агиограф, а в Керети, родном селе Варлаама. По Житию, он

³ Там же. С. 192.

⁴ Сборник полемический Сергия Шелонина. Конец 50-х гг. XVII в., после 1658 г. РНБ, Q.XVII.187, л. 195 об.—196 об., 4°; Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского. С. 178—179, 183; Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин: Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. С. 98 (№ 33), 357, 361, 372—373, 397, 526—531 (№ 36 — описание рукописи).

⁵ Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. С. 360—361, 370, 397.

⁶ См. стемму: Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского. С. 183.

⁷ Сборник житий и служб русским святым (сочинения преимущественно Сергия Шелонина). 50-е гг. XVII в. (не позднее 1658 г.). Псковский государственный музей-заповедник. Дрвлекхранилище, Ф. Никандровой пустыни, № 62, л. 413—420 об., 4°

⁸ Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. С. 372—373.

⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 10 (*вадити*); Там же. М., 2000. Вып. 25. С. 190 (*смѣшение*, № 6); Там же. М., 2008. Вып. 28. С. 135 (*странный*, № 11).

добровольно изволил пострадать за грех. Шелонин же рассказывает иначе. Варлаам похоронил жену и отправился исповедоваться в Колу к местному священнику (л. 414), своему духовному отцу (л. 415 об.). Тот наложил на убийцу «иго лѣхко», а на самом деле суровую, небывалую епитимию: носить мертвое тело до тех пор, пока оно не истлеет, молиться и поститься, рыбу же вкушать только на Пасху (л. 414). Повинуясь духовнику, Варлаам вернулся домой, откопал гроб, перенес его на судно, которое сравнивается в Каноне со вторым гробом: «...въ судно вложивъ во гробѣ, сам же во второмъ устрѣмився...» (л. 414). Три года он плывал по Белому и Баренцеву морям от Керети до Колы туда и обратно (л. 414 об.) и в хорошую погоду, и в ненастье. Наконец он заслужил прощение от Бога (л. 415 об.), поселился в пустыни в губе Чупа (л. 415 об.—416), где и похоронил останки жены (л. 414 об., 415 об.), которая наконец-то нашла упокоение в земле. Так Варлаам «постомъ и терпѣниемъ» (л. 416) одержал победу над дьяволом. Обращает на себя внимание сравнение судна со «вторым гробом». По народным поверьям, по дороге «на тот свет» умерший преодолевает водную преграду — море или огненную реку. В средневековой Скандинавии и иногда в Киевской Руси, где было немало варягов и их обрусевших потомков, покойника клали в ладью и сжигали на погребальном костре. Ладья (лодка, корабль) связывает мир живых с миром загробным.¹⁰ В «Сказании о Борисе и Глебе» сообщается, что тело убитого князя Глеба положили торжественно «в корабль» и перенесли в Вышгород, где похоронили рядом с братом.¹¹ В Сильвестровском сборнике второй половины XIV в. на л. 135 изображены две миниатюры к «Сказанию о Борисе и Глебе»: сверху — мертвого Глеба везут в ладье, внизу — его погребение между двумя колодами под ладьей.¹² В обработке Сергия Шелонина до нас дошли народные предания о Варлааме Керетском, неизвестные в других источниках. В Каноне сообщается, что Варлаам, возвращаясь морем из Печенги в Чупу, обнаружил, что на тонях¹³ «бѣсовскимъ дѣйствомъ» стали появляться мертвецы. Он повелел «куснути» им до Второго пришествия Христова, «да не безсмертно пребудеть злое» (л. 416 об.). Возможно, здесь имеются в виду утонувшие на тонях рыбаки. По народным поверьям, утопленники посещали места своей гибели и захоронения, стонали, звали за собой живых, наводя на них страх. В народе утопленников причисляли к обширному разряду нечистых, или заложных, покойников. «Нечистыми» считались умершие преждевременной или неестественной смертью. Это самоубийцы, а также погибшие вследствие несчастного случая, умершие насильственной смертью и т.п.¹⁴ Их не принимает

¹⁰ Петрухин В. Я. Лодка, ладья, корабль // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 128.

¹¹ Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 55.

¹² Сильвестровский сборник. 2-я пол. XIV в. РГАДА, ф. 381 (Библиотека Московской Синодальной типографии), № 53, 1°.

¹³ Тоня или тонь — слово, широко распространенное на Русском Севере. Здесь в значении «рыболовный участок и прилегающая к нему часть берега с рыбацким хозяйством (жилой избушкой, амбаром и т.п.)». Ср.: Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. С. 160, 161.

¹⁴ Подробнее о них см. в классическом исследовании: Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Вступ. ст. Н. И. Толстого; подгот. текста, коммент., сост. указателей Е. Е. Левкиевской. М., 1995. [Т. 2]. 432 с. (Традиционная духовная культура славян. Из истории изучения). См. также: Левкиевская Е. Е. Покойник

земля, не дает им гнить, становится прахом, из которого был создан праотец Адам. Они находятся на границе этого мира и потустороннего, не могут найти упокоения, возвращаются к живым людям и вредят им. «Дело в том, что все заложные покойники находятся в полном распоряжении у нечистой силы; они по самому роду своей смерти делаются как бы работниками и подручными дьявола и чертей, вследствие чего и неудивительно, что все действия заложных направлены ко вреду человека».¹⁵

По народным представлениям, неверная жена Варлаама Керетского, совершившая прелюбодеяние и умершая без исповеди, а значит, во грехах, — также заложный покойник. Такого мертвеца нельзя было хоронить в земле, а тем более на освященном кладбище рядом с «чистыми» умершими. Если запрет нарушался, труп вырывали из могилы и относили в безлюдное место, в глухой овраг и закидывали ветками, листвой, мхом и т.п. или бросали в реку, озеро, пруд, болото.¹⁶ Верили, что «вода служит местожительством нечистой силы».¹⁷ Поэтому, в отличие от земли, она принимает нечистого покойника. В XVI в. это суеверие было настолько широко распространено на Руси, что Максим Грек посвятил его обличению особое «Послание на безумную прелесть и богомерзскую мудрствующуюсь, яко погребания для утопленного и убитого бывают плододлительны стужы земныхъ прозябений». Русские современники Максима Грека вытаскивали из могил тела утопленников и убитых и бросали их в пустынных местах («нѣгдѣ далѣ» от кладбища), так как верили, что погребение в земле нечистых покойников вызывает весенние заморозки, гибель посевов и неурожай.¹⁸

Если выкопанное тело не разложилось, оно целое, но черное и смрадное, — это верный знак того, что умерший был грешником, находился под клятвой родителей или духовного отца. Над таким покойником читали молитвы, и только после прощения тело истлевало, земля принимала его.¹⁹ Многие в поведении духовника и Варлаама Керетского можно объяснить народными представлениями о заложных покойниках (выкопанный из могилы труп, странствование Варлаама не по земле, которая не принимает грешников, а по морям, «дондеже оно мертвое тело тлению предастся», что свидетельствует об отпущении грехов, вторичное захоронение после помилования). Скитаясь по морям, Варлаам вымаливал прощение не только себе, но и своей жене.

По форме «Житие Варлаама Керетского» близко к житиям проложного вида.²⁰ Агиограф или не захотел вдаваться в бытовые и натуралистические подробности, или не знал их. Канон гораздо содержательнее Жития в рассказе о падении Варлаама и его восстании. Казалось бы, должно быть наоборот, но нет: Канон подробнее и информативнее. Разное освещение одних и тех же

«заложный» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 118—124.

¹⁵ Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 40.

¹⁶ Там же. С. 92—95, 100, 110—111, 113, 116.

¹⁷ Там же. С. 113.

¹⁸ Там же. С. 93.

¹⁹ Там же. С. 43—46. Интересные факты о заклётых покойниках см.: Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. М., 2008. Т. 1. С. 375 (§

²⁰ Дмитриев Л. А. 1) Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. С. 244; 2) Повесть о житии Варлаама Керетского. С. 186.

событий, отличия в деталях и манере изложения не позволяют считать Шелонина автором «Жития Варлаама Керетского».

При всей необычности история Варлаама Керетского не уникальна. Можно привести любопытную параллель из романа XV в. «Смерть Артура» английского писателя Томаса Мэлори. Однажды сэра Ланселот Озерный встретил рыцаря сэра Педивера, который на его глазах отрубил голову своей жене, заподозрив ее в неверности.²¹ Дальнейшие события развиваются так:

«Спрыгнул сэра Ланселот с коня, меч свой вытащил и хочет его убить. Но тот на землю повалился, ноги Ланселоту обнимает и молит о пощаде.

— Позор тебе, говорит сэра Ланселот, — бесчестный рыцарь! Не будет тебе пощады. <...>

— Раз так, — сказал сэра Ланселот, — возьми тогда тело этой дамы и ее голову и взвали себе на спину. И поклянись на моем мече, что не опустишь ее на землю и не будешь знать передышки, покуда не явишься пред госпожой моей королевой Гвиневерой. <...>

И отправился сэра Педивер в путь со своей ношей и нашел королеву Гвиневеру с королем Артуром в Винчестере; и им поведал он всю правду.

— Сэра рыцарь, — сказала ему королева, — это ужасный и постыдный поступок <...> Вот что назначу я вам во искупление вины: сделайте себе носилки и свезите эту мертвую даму к Римскому папе, — он наложит на вас эпитимию за ваше черное дело. Будете ехать, на одном месте две ночи не ночуйте, и на какое ложе ни ляжете, и мертвое тело кладите с собою.

В том дал он клятву и отправился в путь. Когда же <...> добрался он в Рим, папа Римский повелел ему возвратиться назад к королеве Гвиневере. И в Риме же, по велению папы, была похоронена его супруга, а сэра Педивер после того обратился к добру, сделался святым мужем и отшельником». ²²

В основе этих рассказов лежит сюжетный архетип об убийстве жены ревнивым мужем и последующем необычном наказании, страдании и искуплении греха. В Житии и Каноне он облечен в церковно-дидактическую форму борьбы праведника с дьяволом, у Мэлори это рассказ о нарушении рыцарского кодекса чести (убийство благородной дамы) с церковными мотивами (встреча с папой Римским и дальнейшая судьба сэра Педивера). Место духовника в Каноне занимает у Мэлори королева Гвиневера. Оба героя скитаются с мертвым телом, не предавая его земле и беспрестанно переходя с места на место, а после раскаяния и тяжелого испытания получают прощение, хоронят своих жен, а сами становятся отшельниками и святыми.

Общность этих сюжетов не может быть, конечно, объяснена возможностью прямого заимствования. Хотя надо признать, что некоторые устные сказания о рыцарях Круглого стола были известны на Русском Севере. В 1884 г. в Олонецкой губернии А. А. Шахматов записал начало сказки о рыцаре Ларонте с редким на славянской почве сюжетом «покинутая невеста или жена». ²³ Сходство между Мэлори и Сергием Шелониным объясняется тем, что их

²¹ Мэлори Т. Смерть Артура / Изд. подгот. И. М. Бернштейн, В. М. Жирмунский, А. Д. Михайлов, Б. И. Пуришев. М.; СПб., 2007. С. 187—189. (Лит. памятники).

²² Там же. С. 188—189.

²³ Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2008. С. 374—375, 607, № 209.

рассказы восходят к общему мифологическому архетипу, на основе которого слагались различные сюжеты у разных народов.

Список литературы

Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, 1973. 304 с.

Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Вступ. ст. Н. И. Толстого; подгот. текста, коммент., сост. указателей Е. Е. Левкиевской. М.: Индрик, 1995. [Т. 2]. 432 с. (Традиционная духовная культура славян. Из истории изучения).

Левкиевская Е. Е. Покойник «заложный» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 118—124.

Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1979. 184 с.

Мэлори Т. Смерть Артура / Изд. подгот. И. М. Бернштейн, В. М. Жирмунский, А. Д. Михайлов, Б. И. Пуришев. М.; СПб.: Наука, 2007. 904 с. (Лит. памятники).

Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. М.: Новоспасский монастырь, 2008. Т. 1. 424 с.; Т. 2. 400 с. (Памятники агииологии).

Петрухин В. Я. Лодка, ладья, корабль // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 128—129.

Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин: Редакторская деятельность. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 560 с.

Сапожникова О. С. Сергей Шелонин — писатель и книжник XVII века: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 190+66 л.

Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2008. 750 с.

Турилов А. А. К истории скриптория и библиотеки Соловецкого монастыря в XVII в.: (Соловецкие рукописи в коллекции Псковского музея-заповедника) // Народная культура Севера: «Первичное и вторичное, традиции и новации»: Тез. докл. и сообщений регион. науч. конф., 28—30 мая 1991 г. Архангельск, 1991. С. 195—197.

Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1971. 452 с.

References

Dmitriev L. A. Zhitiiyne povesti Russkogo Severa kak pamiatniki literatury XIII—XVII vekov: Evoliutsiia zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii. Leningrad: Nauka, 1973. 304 s.

Levkievskaia E. E. Pokoinik «zalozhnyi» // Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' / Pod obshchei redaktsiei N. I. Tolstogo. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009. T. 4. S. 118—124.

Melori T. Smert' Artura / Izdanie podgotovili I. M. Bernshtein, V. M. Zhirmunskii, A. D. Mikhailov, B. I. Purishev. Moskva; Sankt-Peterburg: Nauka, 2007. 904 s. (Literaturnye pamiatniki).

Merkur'ev I. S. Zhivaia rech' kol'skikh pomorov. Murmansk: Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. 184 s.

Parfenii (Ageev), inok. Skazanie o stranstvii i puteshestvii po Rossii, Moldavii, Turtsii i Sviatoi Zemble. Moskva: Novospasskii monastyr', 2008. T. 1. 424 s.; T. 2. 400 s. (Pamiatniki agiologii).

Petrukhin V. Ia. Lodka, lad'ia, korabl' // Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' / Pod obshchei redaktsiei N. I. Tolstogo. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004. T. 3. S. 128—129.

Sapozhnikova O. S. Russkii knizhnik XVII veka Sergii Shelonin: Redaktorskaia deiatel'nost'. Moskva; Sankt-Peterburg: Al'ians-Arkheo, 2010. 560 s.

Sapozhnikova O. S. Sergii Shelonin — pisatel' i knizhnik XVII veka: Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 1999. 190+66 l.

Severnye skazki v sobranii N. E. Onchukova / Podgotovka tekstov, vstupitel'naia stat'ia i kommentarii V. I. Eremino. Sankt-Peterburg: Izdatel'skii dom «Mir"», 2008. 750 s.

Turilov A. A. K istorii skriptorii i biblioteki Solovetskogo monastyria v XVII veke: (Solovetskie rukopisi v kollektcii Pskovskogo muzeia-zapovednika) // Narodnaia kul'tura Severa: «Pervichnoe i vtorignoe, traditsii i novatsii»: Tezisy dokladov i soobshchenii regional'noi nauchnoi konferentsii 28—30 maia 1991 goda. Arkhangel'sk, 1991. S. 195—197.

Uspenskii sbornik XII—XIII vekov / Izdanie podgotovili O. A. Kniazevskaia, V. G. Dem'ianov, M. V. Liapon; pod redaktsiei S. I. Kotkova. Moskva: Nauka, 1971. 452 s.

Zelenin D. K. Izbrannye Trudy: Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoiu smert'iu i rusalki / Vstupitel'naia stat'ia N. I. Tolstogo; podgotovka teksta, kommentarii, sostavlenie ukazatelei E. E. Levkievskoi. Moskva: Indrik, 1995. [T. 2]. 432 s. (Traditsionnaia dukhovnaia kul'tura slavian. Iz istorii izucheniia).